

Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ КОГНИТИВНЫХ ТЕРМИНОВ (ФРАГМЕНТЫ)¹

[...] **КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (К.Л.)** (cognitive linguistics; kognitive Lingustik; lingulstique cognitive) – лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент системы знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации. Эта система, в противоположность другим семиотическим инструментам человека, одновременно является объектом, и внешним и внутренним для субъекта, конституированным независимо от него и подлежащим усвоению в онтогенезе. Такая двойственность языка отличает язык от остальных когнитивных видов деятельности [Caron 1983: 17–18]. В механизмах языка существенны не только мыслительные структуры сами по себе, но и материальное воплощение этих структур в виде знаков со своими «телами» [Armstrong, Stokoe, Wilcox 1995: 34].

В сферу К.Л. входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи, при которых языковое знание участвует в переработке информации. Результаты исследований в области К.Л. дают ключ к раскрытию механизмов человеческой когниции в целом [Deane 1992: 1], особенно механизмов категоризации и концептуализации [Smith 1993: 531]. Поскольку в К.Л. на явления языка, особенно на значение и референцию, смотрят через призму когниции человека [Benthem 1991: 25], лексическая структура языка трактуется как результат взаимодействия когниции человека с семантическими параметрами, присущими данному языку [Senft 1994: 414]; (ср.: [Dobrovol'skij 1995: 9]) [...].

В отличие от остальных дисциплин когнитивного цикла, в К.Л. рассматриваются когнитивные структуры и процессы, свойственные человеку как *homo loquens*: системное описание и объяснение механизмов

¹ Публикуется с сокращениями и исправлениями по: Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов [Felix, Kanngiesser, Rickheit 1990–1: 1–2]. Ментальные процессы не только базируются на репрезентациях, но и соответствуют определенным процедурам – «когнитивным вычислениям» [Eschenbach et al. 1990: 37–38; Демьянков 1989], что ведет к постановке вопросов о числе и типе операций, совершаемых над символами.

Центральная задача К.Л. состоит в описании и объяснении языковой способности и / или знаний языка как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего, рассматриваемого как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных модулей [Wunderlich, Kaufmann 1990: 223] и соотносящая языковую информацию на различных уровнях [Демьянков 1994–2].

Существуя как новая область теоретической и прикладной лингвистики, К.Л. оказывается связанной с изучением когниции в ее лингвистических аспектах и проявлениях, с одной стороны, и с исследованием когнитивных аспектов самих лексических, грамматических и пр. явлений – с другой. В этом смысле она занимается как репрезентацией собственно языковых знаний в голове человека и соприкасается с когнитивной психологией в анализе таких феноменов, как словесная или вербальная память, внутренний лексикон, а также в анализе порождения, восприятия и понимания речи, так и тем, как и в каком виде вербализуются формируемые человеком структуры знания, а следовательно, К.Л. вторгается в сложнейшую область исследования, связанную с описанием мира и созданием средств такого описания (см.: [Кубрякова 1992; Кубрякова 1994–2; 1994–3]).

Начало К.Л. приходится на 80-е годы, и иногда его связывают с симпозиумом в Луйсбурге, организованным Рейс Дирвенем в 1989 г., и созданием Международной когнитивной лингвистической ассоциации, участвующей ныне в выпуске специальных изданий по К.Л. Ее возникновение было вызвано новым пониманием языка и подчеркиванием в нем (в тесной связи с идеями когнитивной науки) его психического, ментального аспектов. Определение языка как явления когнитивного или когнитивно-процессуального, акцент на том, что язык передает информацию о мире [Soames 1988: 185, 202], что он многосторонне связан с обработкой этой информации [Schwarz 1992], что он имеет прямое отношение к построению, организации и усовершенствованию информации и способам ее представления [Павиленис 1983: 28], что он, наконец, обеспечивает протекание коммуникативных процессов, в ходе которых передаются огромные пласты знаний и используются – не менее значительные и сложные [Rickheit, Strohner 1993], – все это придало новое направление лингвистическим исследованиям; (ср.: [Nuyts 1992]).

Хотя область К.Л. еще окончательно не сложилась (ср.: [Schwarz 1992: 37]), уже сегодня в ней выделились, с одной стороны, многочисленные течения, характеризующиеся своей общей когнитивной организацией (ср.: [Герасимов 1985]) и демонстрирующие проекты разных типов ког-

нитивных грамматик, когнитивных исследований дискурса, когнитивной лексикологии и т.п. С другой стороны, в активно разрабатываемой области семантики предлагаются разные варианты когнитивных ее версий – прототипическая семантика, концептуальная семантика, фреймовая семантика и др. могут считаться ее интересными разновидностями; (ср.: [Демьянков 1992; 1994–3; Харитончик 1992; Беляевская 1994 и др.]). Наконец, можно выделить целый цикл лингвистических проблем, получающих новое освещение и новое решение в силу их освещения с когнитивной точки зрения. Это прежде всего проблемы категоризации и концептуализации, рассматриваемые в многочисленных публикациях; проблемы языковой картины мира; проблемы соотношения языковых структур с когнитивными; проблемы частей речи и т.п. – все то, с чем связано освещение ментальных репрезентаций и их языковых «привязок» (коррелятивных им языковых форм). Важно также отметить, что поскольку репрезентации обычно считаются единицами символическими (стоящими взамен чего-то другого), когнитивная лингвистика имеет немало точек соприкосновения с семиотикой, а часть возникающих в связи с этим проблем (иконичности и индексальности знаков, соотношения тел знаков с теми концептами, передаче которых эти тела служат, различий в типах знаков, зависящих от их протяженности и уровня, и т.п.) затрагивают интересы обеих наук и могут быть решены лишь на их стыке (ср. также: [Jorna 1990]). О разграничении областей когнитивной психологии и когнитивной лингвистики см. также, помимо указанного выше, и в статье о К.П. [Katz 1984]; учитывая и то, что если К.П. занимается всеми когнитивными способностями человека и их взаимодействием, а К.Л. – только такой когнитивной способностью, как язык, последняя все равно связана с К.П., описывающей интеракцию разных когнитивных способностей в разных типах деятельности человека (прежде всего – в коммуникативной).

В.Д., Е.К.

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА (концептуальная метафора; *cognitive / conceptual metaphor*) – одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания [Телия 1988; Маккормак 1990; Теория метафоры 1990 и др]. По своему источнику К.М. отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов [Арутюнова 1990–1: 15].

При наиболее общем подходе метафора рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта). В процессах познания эти сложные непосредственно ненаблю-

даемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (например, человеческие эмоции сравниваются с огнем, сферы экономики и политики – с играми, спортивными соревнованиями и т.д.). В подобных метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности. При этом одно и то же мыслительное пространство может быть представлено посредством одной или нескольких концептуальных метафор.

Различаются следующие основные типы метафор, задающие аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающие частные метафоры [Лакофф, Джонсон 1990; Lakoff 1987; Lakoff, Johnson 1980; Reddy 1979; Langacker 1991].

1. Структурные (structural) метафоры концептуализируют отдельные области путем переноса на них структуризации другой области.

2. Онтологические (ontological) метафоры категоризируют абстрактные пространства, путем очерчивания их границ в пространстве.

3. Метафора «канал связи / передача информации» (conduit metaphor) представляет процесс коммуникации как движение смыслов, «наполняющих» языковые выражения (вместилища), по «каналу», связывающему говорящего и слушающего.

4. Ориентационные (orientational) метафоры структурируют несколько областей и задают общую для них систему концептуализации; они в основном связаны с ориентацией в пространстве, с противопоставлениями типа «вверх – вниз», «внутри – снаружи», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный» и др. Так, в английском языке «счастье, здоровье, сознательное, рациональное» описывается через метафору «наверху», «сверху», «вверх» (up), тогда как «несчастье, болезнь, смерть» – через метафору «внизу», «вниз» (down).

5. Метафора «контейнер» (container metaphor) представляет смыслы как «наполнения контейнеров» – конкретных языковых единиц.

6. Метафора «конструирование» (blockbuilding metaphor) представляет смысл крупных речевых произведений как «конструкцию» из более мелких смыслов.

В разных языках одни и те же мыслительные пространства концептуализируются с помощью разных К.М. Подробное исследование таких пространств и типов метафор (см. также: [Heine, Traugott eds. 1990; Norper, Thompson 1993]), в которых эти явления изучаются с точки зрения их значимости для процессов грамматизации. Под ними имеются в виду трансформации конкретных лексических единиц (например, глаголов движения или существительных, обозначающих части тела человека) в более абстрактные, грамматические, средством чего оказывается метафорический перенос.

Л.Л.

[...] **КОГНИТИВНАЯ НАУКА / КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ;** (cognitive science / sciences) – наука / науки, занимающиеся человеческим разумом и мышлением (mind) и теми ментальными (психическими, мыслительными) процессами и состояниями, которые с ними связаны (см.: [Виноград 1983: 126; The Cognitive Turn 1989: 72; Varela, Thompson, Rosch 1993: 38 и др.]); наука / науки, предметом которых / которой является когниция – познание и связанные с ним структуры и процессы (см.: [Eckardt 1993: 57; Pylyshyn 1984: XI]); исследование феномена знания во всех аспектах его получения, хранения, переработки и т.п., в связи с чем главными проблемами К.Н. считаются вопросы о том, какими типами знания и в какой форме обладает человек, как репрезентировано знание в его голове, каким образом приходит человек к знанию и как он его использует (см.: [Schwarz 1992: 14–15]); хотя непосредственные объекты этой науки определяются по-разному, чаще всего этим объектом оказывается информация и, главное, – обработка информации и ее переработка, причем не только человеком, но и машиной (компьютером), т.е. все виды деятельности с информацией. Согласно более распространенному взгляду, указывает Р. Шепард, К.Н. – это наука о системах представления знания и получения информации; менее распространенной, но более приемлемой точкой зрения на К.Н. является ее определение как науки об общих принципах, управляющих ментальными процессами, т.е. определение, подобное тому, что дается теоретической физике [Shepard 1988: 45].

Как показывают эти определения, несмотря на определенную близость в указаниях на предмет или объект исследования, К.Н. – это и знание, и познание, и информация, и человеческий разум, и сознание, и человеческий мозг как носитель соответствующих систем, и их биологическая основа и т.п., – все же в разных дефинициях К.Н. называются разные феномены, и рассмотрение каждого из них привносит в науку / науки свою специфику, к тому же каждое направление по сути требует своего собственного эмпирического подтверждения и своей теоретической платформы. Такая ситуация заставляет признать, что скорее всего обозначение «когнитивная наука» относится к обширной и весьма общей программе научных исследований, объединяемых связующим их единым объектом – когницией. Термин К.Н. следует в связи с этим рассматривать как «зонтиковый» для объединения определенного количества научных дисциплин и создания междисциплинарной науки, которая вырабатывает методы и приемы, необходимые для интеграции усилий ученых разных специальностей с целью более адекватного и полного представления об одном из самых сложных феноменов природы – человеческого сознания и разума.

Объединение наук в рамках когнитивизма диктуется прежде всего пониманием того, что разум – настолько сложный объект познания, что изучение его не может быть ограничено рамками одной дисциплины, даже такой, которая занималась им специально, – психологии [Bruner 1988: 82; Schwarz 1992: 14; Johnson-Laird 1983: XI]. История К.Н. ярко

демонстрирует и тот факт, что для исследования сложных объектов ученые должны собираться в определенные научные сообщества, – один индивид уже не в состоянии овладеть всеми необходимыми данными об объекте [Giere 1989: 3].

Какие же науки объединяет или пытается объединить К.Н.? Не вызывает сомнения, что у истоков К.Н. стояли когнитивная психология и лингвистика (или – психолингвистика); к числу когнитивных наук, однако, то причисляют философию, лингвистику, антропологию и нейронауки (см.: [Thagard 1989: 72]), то прибавляют к перечисленным дисциплинам психологию и логику [Gardner 1985: 7], то включают в их состав моделирование искусственного интеллекта (см. схему, приводимую в Предисловии), то, наконец, справедливо указывают на связь К.Н., причем в самом ее зарождении, с методами математического моделирования, теорией информации, кибернетикой и, конечно же, с компьютерной наукой. В европейских направлениях когнитивизма отмечается также связь К.Н. и семиотики, что для настоящего периода его развития очень существенно (ср.: [Jorna 1990]).

Несмотря на исключительную престижность когнитивных исследований и их широчайшую распространенность, несмотря на значительное влияние когнитивизма и на такие науки, как литературоведение, социология, антропология и др., К.Н. не может считаться монолитной или же предложившей какой-либо один подход к исследованию когниции и разума (см.: [Jorna 1990: II; Eckardt 1993: 1 и 15]). Иногда утверждают по этому, что когнитивными называют науки, каждая из которых занимается когницией со своих собственных позиций и применяя свои методики. Однако дело К.Н. заключается как раз в том, чтобы интегрировать данные из разных наук под определенным углом зрения, а для этого сформулировать известные предпосылки исследования и его конкретные цели (ср.: [Felix, Kanngiesser, Rickheit 1990]).

На более ранних этапах развития К.Н. говорили о двух допущениях:

– человеческий интеллект может изучаться как материальная символическая система, которая понимается как «своего рода машина, которая порождает развертывающийся во времени набор символьных структур»; для человека такими структурами являются ментальные презентации;

– свойства материальной символической системы изучаются на таком уровне анализа, который позволяет абстрагироваться от физической или технической стороны указанной системы, а также от материальной стороны механизмов, производящих некие операции с символами [Виноград 1983: 127]. Иными словами, хотя в когнитивной парадигме когниция и связывается с определенной ее физической «имплементацией» (реализацией) и считается, что когнитивные процессы протекают в том или ином материальном виде, воплощении (как в человеке, так и в машине), сами эти процессы можно полагать независимыми от этого об-

стоятельства и изучающимися в основном в их функциональном аспекте; (ср.: [Pyllyshyn 1984; Kirkeby 1994: 593 и сл.; Schiffer, Steele 1988]). Поскольку признается также несводимость когнитивных процессов к описаниям, сделанным какой-либо одной наукой, постулируется необходимость обращения к данным разных наук и интеграции этих данных; это объясняет междисциплинарный характер К.Н. Требования этого рода подкрепляются и тем, что функционального описания ждуть все когнитивные составляющие когнитивной системы разума – память, внимание, воображение, мышление, восприятие и т.п., а каждая такая составляющая – отдельный механизм обработки информации, – уже имеет собственную историю ее изучения и может исследоваться самостоятельно.

Признается для К.Н. и другая система допущений, и хотя общим для всей когнитивной программы является прежде всего попытка «функционально идентифицировать ментальные состояния, в терминах их взаимодействия между собой, в абстракции от материальной реализации в мозгу» и в терминах моделей «внутренней переработки» (inner processing) информации (ср.: [Демьянков 1994–1: 17 и сл.]), в число исходных установок включают также помимо допущений об уровне ментальных репрезентаций:

1) положение о том, что центральным для всей проблематики является обращение к компьютеру как служащему самой наглядной и самой убедительной моделью того, как работает человеческой мозг (см. подробнее: компьютерная метафора), а также позволяющему имитировать на нем отдельные когнитивные процессы (например, обучения или экспертного знания и т.п.);

2) положение о том, что сегодня можно сознательно отвлекаться при изучении когнитивных структур и процессов от воздействующих на них эмоциональных, культурологических и исторических факторов, хотя и признается, что такая процедура носит методологически временный характер (см.: [Gardner 1985: 6–7]). Исследование этих и тому подобных факторов входит, правда, в перспективу когнитивного анализа [Eckardt 1993: 341], который в будущем поможет решить и вопрос о том, что представляет собой мозг человека и насколько оправданно его определение как устройства компьютерного типа.

В настоящее время широко обсуждаются вопросы о дате «рождения» К.Н. (здесь выдвигаются и мнения о том, что зарождение науки приходится на середину 50-х годов, и мнение о том, что этой датой должна быть признана организация Центра по когнитивным исследованиям в Гарварде в 1960 г., и даже мнение о том, что распространение этой парадигмы знания связывается с 70-ми годами в американской науке). Много изданий и журналов посвящаются также текущим когнитивным исследованиям; и наконец, существует уже несколько обзоров исторического характера, отражающих как предтечи К.Н., так и ее составляющие. Мы уже указали на эти работы в предисловии. Вместе с тем необходимо от-

метить, что, характеризуя К.Н., говорят о том, что у этой науки длительное прошлое, но весьма краткая предыстория [Gardner 1985: 9]. И действительно, человеческим интеллектом, закономерностями мышления, источниками знаний и процессами его достижения, а также мозгом, психикой и ментальными состояниями и актами – всем этим давно занимались философия и логика, психология и биология. В философии существовал даже специальный раздел, посвященный теории познания, а интерес к гносеологии и эпистемологии, методологии и истории науки характерен отнюдь не только для К.Н. И все же надо решительно подчеркнуть тот факт, что в рамках К.Н. все эти и аналогичные им проблемы звучат по-новому и решаются по-новому и что с самого начала ученых, стоящих у истоков новой науки, отличала несомненная оригинальность, и что как о когнитивной революции, так и о революции хомскианской говорят не случайно. Когнитивизм знаменовал появление новой парадигмы научного знания, и с ним в историю науки пришло новое понимание того, как следует изучать знание, как можно подойти к проблеме непосредственно не наблюдаемого – прежде всего к проблеме внутреннего представления мира в голове человека: ключевыми понятиями для начальных периодов К.Н. становятся понятия репрезентаций, структур представления знаний, нетождественных по своей модальности, объему, близости репрезентируемому оригиналу и т.п.

Первый этап в развитии К.Н. и был посвящен, собственно, разработке идей репрезентационализма и освещению той деятельности человека, которая могла быть определена как оперирование ментальными репрезентациями, выступающими прежде всего как символы чего-то, находящегося «извне», в реальном или выдуманном мире, но всегда как стоящего взамен чего-то. «Когнитивизм – взгляд, согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения разумно формулируемых задач» [Демьянков 1994–1: 1]. Подобное определение когнитивизма означало, что центральной проблемой для всего этого направления оказывался вопрос о том, в каких именно терминах следует описывать и объяснять все манипуляции с информацией, и ответом на этот вопрос являлся тезис об операциях с символами и над символами (ментальными репрезентациями). Но с символами оперировали и компьютеры. Сопоставление работы компьютера и деятельности мозга детерминирует основную линию анализа внутри многих направлений К.Н. и предопределяет поиски решений многих когнитивных проблем имитацией ментальных процессов на компьютере. Соответственно, ключевыми понятиями К.Н. становятся и такие понятия, как «обработка знаний» (processing) или их «вычисление» (computation). Чем-то вроде вычисления начинает

считаться и разумное поведение человека [Caplan 1989]. Но аналогия операций на ЭВМ и в мозгу человека (см.: компьютерная метафора) оказывается настолько глубокой, что многие ученые начинают считать, что и К.Н. должна изучать не только человеческое мышление, но включить также в предмет своего исследования все процессы переработки знаний – осуществляемые как человеком, так и машиной. Дискуссии о правомочности такого взгляда на вещи определяют и сегодня борьбу мнений о сущности когнитивной парадигмы.

Рефлексы этой полемики особенно существенно сказываются на втором этапе развития когнитивизма, который в Америке испытывает радикальные преобразования под влиянием коннекционизма, а в Европе сказывается на обращении к проблеме языковой обработки данных в первую очередь.

Связь лингвистики и психологии, характеризовавшая начальные этапы становления К.Н. (см. подробнее: [Кубрякова 1992; 1993; 1994]), приобретает настолько тесный характер, что проблемы понимания речи и порождения речи начинают ставиться в новом ключе – они вызывают к жизни поток специальной литературы, направленной на объяснение всей речемыслительной деятельности с когнитивной точки зрения (ср.: [Кубрякова 1993; Rickheit, Strohner 1993; Schwarz 1992 nflp.]).

Яркая тенденция сблизить исследование когниции с изучением языка становится, несомненно, отличительным признаком всей К.Н. «Существует искушение, – указывает Г. Харман, – определить К.Н. как представляющую собой научное изучение когниции, но это чересчур узкое ее понимание: с одной стороны, в центре интересов К.Н. находится язык, с другой стороны, взгляды на то, до какой степени изучение языка входит составной частью в изучение когниции, расходятся. Поэтому лучше говорить о том, что К.Н. включает как исследование языка, так и исследование когниции, причем у этих исследований часто появляются как философские, так и чисто инженерные аспекты» [Harman 1988: 259].

В словаре по когнитивной психологии отмечается в связи с этим, что К.Н. вырастет на основе трех начинаний: изобретения компьютера, развития психологии и подхода, определяемого анализом процесса обработки информации и исследованием ментальных процессов, касающихся восприятия, памяти, языка и мышления, и, наконец, появлении теории генеративной грамматики со всеми ее ответвлениями [Eyscnck 1991: 60]. Связь хомскианской революции в лингвистике и когнитивного переворота в науке представляется, таким образом, несомненной (см. также: [The Making of Cognitive Science 1988]).

В истории К.Н. уже можно выделить по крайней мере два указанных выше этапа – этап узкого когнитивизма, который сменяется этапом все возрастающей роли таких новых моделей работы мозга, как коннекционистские (модели так называемой параллельно распределенной об-

работки информации Дж. Макклеланда и Д. Румельхарта [Parallel Distributed Processing 1986]).

С широким распространением К.Н. можно связать появление разных школ и разных направлений в разных странах. В европейских течениях К.Н. особое внимание уделяется процессам языковой обработки информации, в американских направлениях огромный скачок вперед сделали когнитивная психология, в которой накопились значительные массивы данных экспериментального порядка, а также нейронауки.

Е.К.

[...] **КОГНИТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, КОГНИТИВНЫЙ ПОВОРОТ** (cognitive revolution, cognitive turn; cognitive Revolution, kognitive Wende; revolution cognitive) [...]. Смена общенаучной парадигмы [Albersnagel 1987: 8], в 1956–1970-е годы связываемая с именами Дж. Брунера, Дж. Миллера, У. Найссера, Ж. Пиаже, А. Ньюэлла, Г. Саймона и др. [Miller 1979]. Как и «картезианская революция», К.Р. явилась результатом попыток рассмотреть деятельность человека как работу автомата (в XX в. – компьютеров) [Otero 1994: 22]. До когнитивистов стремились открыть общие логические законы, действительные для всех биологических видов, материалов, веков и стадий знания, в отвлечении от содержания [Gardner, Wolf 1987: 306]. Теперь же главные принципы привязываются к человеческой когниции. Аксиомы когнитивизма предопределяются междисциплинарностью этого направления [Gardner, Wolf 1987: 117].

1. Исследуются не просто наблюдаемые действия (т.е. продукты), а их ментальные репрезентации, символы, стратегии и другие ненаблюдаемые процессы и способности человека (которые и порождают действия).

2. На протекании этих процессов сказывается конкретное содержание действий и процессов, а не «навык».

3. Культура формирует человека: индивид всегда находится под влиянием своей культуры.

Поводом для именованного этого направления «революцией» явилась антибихевиористская направленность когнитивистов, стремившихся вернуть мысль (mind) в науки о человеке – после «долгой холодной зимы объективизма» [Bruner 1990: 1].

К середине 1950-х годов появилась заманчивая перспектива объяснить мыслительные процессы через «правила преобразования мысленных представлений», аналогичные трансформационным правилам в первых версиях генеративной грамматики. Эти правила вырисовывались из наблюдений над усвоением языка детьми [Pinker 1984: 1]: складывалось впечатление, что дети каким-то единообразным способом приходят к овладению своим родным языком и что этот универсальный «алгоритм» овладения языком состоит во введении новых правил во внутреннюю грамматику ребенка. Обобщая эти наблюдения, пришли к выводу о том, что эти правила очень похожи на все, что управляет и неречевыми видами

деятельности, придает им продуктивность и выглядит иногда как непроизвольное, неконтролируемое поведение, отражаясь на структуре восприятия, памяти и даже на эмоциях [Fodor, Bever, Garrett 1974: 6–7].

Основанная на подобных соображениях когнитивистская методика близка по духу деятельности лингвиста, когда тот, интерпретируя текст, анализирует причины правильности и осмысленности предложений (на основе опроса информантов и / или интроспективно), прибегает к гипотетико-дедуктивным построениям [Goldman 1987: 539]. Исследование того, как человек оперирует символами, осмысляя и мир, и себя в мире, объединяет лингвистику с другими дисциплинами, интерпретативным путем изучающими человека и общество.

К.Р. была одним из проявлений общей тенденции к интерпретативному подходу в различных дисциплинах. Это стремление выявить механизмы интерпретации человеком мира и себя в мире особенно ярко выразилось в лингвистическом «интерпретационизме» («интерпретирующая семантика»), в философской и юридической герменевтике, в литературоведческих теориях читателя (reader criticism).

В.Д.

[...] **КОГНИЦИЯ** (cognition, Kognition) – центральное понятие когнитивной науки, достаточно трудное для русского перевода и потому сохраняемое нами в транслитерированной форме для подчеркивания этого своеобразия; причудливо сочетающее в себе значения двух латинских терминов – *cognitio* и *cogitatio*, – оно передает смыслы «познание», «познавание» (т.е. фиксируя как процесс приобретения знаний и опыта, так и его результаты), а также «мышление», «размышление». Чаще всего оно обозначает познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком. К. ярко отражает сущность *homo sapiens*'а и его интеракцию, взаимодействие со средой, направленные на выживание человека, совершенствование его приспособления к природе, познание мира и т.п. К. есть проявление умственных, интеллектуальных способностей человека и включает осознание самого себя, оценку самого себя и окружающего мира, построение особой картины мира – всего того, что составляет основу для рационального и осмысленного поведения человека.

Термин К. относится ко всем процессам, в ходе которых сенсорные данные, выступающие в качестве сигналов информации, данные «на входе», трансформируются, поступая для их переработки центральной нервной системой, мозгом, преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев

и т.п.) и удерживаются при необходимости в памяти человека с тем, чтобы их можно было извлечь и снова пустить в работу. В качестве когнитивных (когниции) рассматриваются не только процессы «высшего порядка» – мышление и речь, – но и процессы перцептуального, сенсомоторного опыта, происходящего в актах простого соприкосновения с миром (ср.: [Schwarz 1992: 12–13]). В этом смысле К. соответствует как осознанном и специально протекающим процессам научного познания мира, так и простому (и иногда – неосознанному, подсознательному) постижению окружающей человека действительности. Показательны в этом отношении рассуждения Н. Хомского о подлинном значении английского глагола *to cognize*, в семантическую структуру которого входят представления как о целенаправленных действиях, так и, напротив, о процессах, протекающих бессознательно [Chomsky 1980: 69 и сл., 128], что, собственно, и противопоставляет его глаголу *to know* «знать».

Чрезвычайно распространено также определение К. как вычисления (*computation*), как особого случая обработки информации в символах, заключающейся, собственно, в ее преобразовании и трансформации из одного вида в другой – в другом коде, в иной структуризации, что и переводит К. в иную плоскость, связывая ее изучение с вопросами о том, какие именно типы информации перерабатываются разумом (*mind*), в каких типах процессов это происходит, с какими средствами передачи информации это сопряжено и, наконец, с вопросом о том, какой из типов информации (знаковый, символический, индексальный, иконический и т.п.) оказывается при этом самым главным (ср.: [Rickheit, Strohner 1993: 13 и сл.; Pylyshyn 1984: особ. 69–74]).

Хотя единой теории К. еще не существует [Jona 1990: 11], предпосылки ее постепенно складываются и вырисовываются [Schwarz 1992: 15].

Разные дисциплины в составе когнитивной науки и / или относящиеся к когнитивным наукам занимаются разными аспектами К. и теми формами, которые принимают связанные с нею процессы и их результаты: лингвистика, например, занимается языковыми системами знаний; философия – общими проблемами К. и методологией познавательных процессов – проблемами роста и прогресса знания; нейронауки изучают биологические основания К. и тех физиологических ограничений, которые наложены на протекающие в человеческом мозгу процессы, и т.п.; психология вырабатывает прежде всего экспериментальные методы и приемы изучения К. как особой когнитивной системы со своей «архитектурой» (т.е. единицами в виде ментальных репрезентаций разного типа и широким кругом разнообразных операций, или процедур манипулирования ими); такие механизмы, как индукция, дедукция, инференция и пр., тоже связываются со строением К. как выполняющей также функцию хранения знаний и ассоциативного связывания знания в памяти [McShane 1991: 319 и сл.].

Утверждают поэтому, что К. протекает, в целом демонстрируя естественное разделение на разные процессы, каждый из которых связан с реализацией определенной когнитивной способности или видом определенной

когнитивной деятельности и поэтому может изучаться по отдельности. Нередко когнитивные способности считаются автономными и отделенными от таких явлений сознания, как чувства и эмоции (мнение, которое разделяется далеко не всеми, – см., например: [Danes 1987]). Несмотря на то что когнитивные способности в их реальном проявлении обнаруживают существенное варьирование у разных людей и в разном возрасте, все же можно и нужно отличать нормальное поведение человека от ненормального и даже выделить понятие «нормального познающего» [Eckardt 1993: 54 и сл., а также 311 и сл.].

К когнитивным способностям относят обычно способность говорить, что считается отличительной характеристикой человека в отличие не только от животных, но и от машины (так называемый тест Декарта – Тьюринга – [Leiber 1991: 151]), а также способность учиться и обучаться, решать проблемы, рассуждать, делать умозаключения и приходить к неким выводным данным планировать действия и вообще поступать интенционально (намеренно), запоминать, воображать, фантазировать и т.п., не говоря уж о таких способностях, как видеть, слышать, осязать и обонять, двигаться по собственной воле и т.д.

К. неразрывно связана с языком не потому, что она обязательно протекает в языковой форме, но потому, что мы можем рассуждать о ней только с помощью языка; точно так же не обязательно считать, что все результаты К. обладают языковой формой, – все артефакты можно считать ее итогом, но с появлением языка и с возможностью передачи опыта с его помощью жизнь человека и его К. радикально изменились по своему характеру. Считается поэтому, что К. лучше всего изучать, исследуя язык. Полагая, что К. = когнитивной обработке информации, К. можно исследовать, исследуя процесс обработки информации языковой.

В настоящее время многие когнитологи считают, что К. – это сокращенное обозначение для понятия когнитивной обработки и переработки информации, но если раньше к этому добавляли, что этот процесс заключается только в достижении знания в виде репрезентаций и манипуляций с ними, то сегодня К. не сводят исключительно к этим операциям и ее исследование приобретает более широкий характер. К. тому же к изучению К. сегодня считают необходимым привлекать факторы эволюции человека, факторы культурологического порядка, социальных отношений и т.п. Эти представления нашли особенно широкое распространение в отечественной науке (см. также: [Klix 1992; Современные теории познания 1992; Carston 1989; Goschke 1990; Kintsch 1977; Pylyshyn 1984; Varela, Thompson, Rosch 1993]).

Примерно четверть века тому назад У. Найссер пытался определить К. как охватывающую «все процессы, с помощью которых сенсорные данные на входе преобразуются, редуцируются, развиваются, запоминаются, вспоминаются и используются» [Neisser 1967: 4], и хотя в общем эта дефиниция верна и сегодня, многое в ней как бы не упомянуто и упущено или не учте-

но. Как он подчеркивает сегодня, все названные процессы познания действительно протекают в голове человека, но ранее недостаточно принимали во внимание, что все процессы протекают в определенном социальном контексте и тесно связаны с реальными потребностями человека и его взаимодействием со средой (ср.: [Pick, van den Broek, Knill 1992: 3; Neisser 1992: 333 и сл.; Kintsch 1992]).

Соответственно, в исследовании К. наметились следующие проблемы:

– какие поведенческие процессы связаны с когнитивией и характеризуют все ее аспекты, начиная от обработки сенсорного сигнала до сложнейших процессов решения проблем (ср. понятие ситуативно обусловленной К. или анализ роли эмоций в когнитивии, – эта линия исследования ярко проходила в работах Ф. Кликса);

– как организовано знание и в виде каких систем его можно представить, к каким результатам и оппозициям приводит К.? Ср., с одной стороны, различение декларативного и процедурного знания, или «знания, что» в отличие от «знания, как»: ср., также К. в прямом и непосредственном восприятии, не требующую ментальных репрезентаций, но предполагающую осознание того, где человек находится, что его окружает, в какой среде он действует и т.п., в отличие от более сложной системы обработки информации с идентификацией объектов, их сравнением и пр., что требует ментальные репрезентации (см.: [Neisser 1992]);

– какие модели могут быть предложены для объяснения К. и какие новые методики предлагаются для этого (ср., например, коннекционистские модели или гибридные интерактивно-коннекционистские методики);

– исследование К. и как формируемой, и как формирующей миропонимание силы, ее многофункционального характера, ее связанности с волей и творческой активностью человека, ее исторического преобразования и ее эволюции как в онтогенезе, так и в реальном времени жизни человека (см.: [Демьянков 1994: 25 и сл.]).

Е.К.

[...] **КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ** (conceptualization) – понятийная классификация [Кликсе 1983: 97 и сл.], – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека. Нередко К. рассматривается как некоторый «сквозной» для разных форм познания процесс структуризации знаний и возникновения разных структур представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц (ср.: [Концептуализация и смысл 1990]). Каждый отдельный акт К. представляет собой пример решения проблемы, и в нем задействованы механизмы умозаключений, получения выводных данных (инференции) и другие логические операции.

Процесс К. тесно связан с процессом категоризации: являя собой классификационную деятельность, они различаются вместе с тем по конечному результату и / или цели деятельности. Первый направлен на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, второй – на объединение единиц, проявляющихся в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды.

Когнитивное расчленение реальности происходит еще на довербальной стадии развития человека: понятийные классификации, возникающие в то время, оказываются более связанными с сенсомоторной деятельностью человека, нежели с его общением с другими людьми. С формированием языка когнитивное освоение реальности приобретает новые формы, обеспечивая выход за пределы непосредственно воспринимаемого и хранение опыта в долговременной памяти человека (Ср.: [Видинеев 1987: 154 и сл.]).

К. может также рассматриваться как живой процесс порождения новых смыслов, и тогда в задачи когнитолога начинают входить вопросы о том, как образуются новые концепты, как создание нового концепта ограничивается уже имеющимися концептами в концептуальной системе, как можно объяснить способность человека постоянно пополнять эту систему и т.п. Эти и многие другие аналогичные проблемы связывают исследование К. с семантикой вообще и концептуальной семантикой в частности: в ряде отношений познавательный процесс есть процесс порождения и трансформации смыслов (концептов). Для понимания сути этих процессов оказываются важными как исследования, проводимые в рамках концептуального анализа, так и исследования явлений грамматизации. Если бы было нужно назвать ключевое понятие когнитивной лингвистики, подчеркивают когнитологи, им было бы понятие концептуализации (см.: [Rudzka-Ostyn 1988; 1993]; ср. также: [Lakoff 1987: 303]).

Е.К.

[...] **РАЗУМ, ИНТЕЛЛЕКТ, УМ**¹... (*mind; Veraimft*) – поскольку когнитивная наука определяется как наука о человеческом разуме, это понятие (одно из самых сложных понятий науки вообще) является ключевым для всего когнитивного направления. Более того. Даже если указанную науку определяют как изучающую когницию (познание) или мышление или ментальные процессы и т.п., все эти понятия тоже пресуп-

¹ Мы уже указывали на особую трудность перевода английского термина *mind* на русский язык, ибо он может означать практически любой из терминов, описывающих ментальную деятельность и ментальную организацию, начиная от сознания и мышления и кончая разумом, мозгом, интеллектом, мыслью, поэтому и здесь выбор в качестве основного термина «разум» можно считать относительно условным.

понируют понятие разума (ср.: [Fromkin 1991: 82]) и требуют его объяснения как исходного для всего когнитивного анализа. Нередко указывают, что наука о разуме вырастает из попыток решения некоторых конкретных проблем современной науки в рамках трех ее более старых дисциплин, – физики с ее стремлением выяснить роль наблюдателя в проведении астрономических и аналогичных им экспериментальных исследований, медицины с ее направленностью на лечение безумия и изучением для этого физиологических основ мозга и его состояний в норме и, наконец, философии, давно ставившей своей целью установить источники знаний; (ср. [Bever, Carroll, Miller 1984: 4]). Фактически, однако, еще большее количество научных дисциплин было занято изучением разума, и немало специальных философских школ пытались дать ему, начиная с древности, свое общее определение. Предлагают свои частные определения и логика, и теория познания, и философская школа сознания, и нейронауки, и психология, и все же это понятие не имеет общепринятого определения. Скорее, можно говорить об аналитических дескрипциях этого феномена, а учитывая частую синонимию термина «разум» терминам «сознание», «рассудок», «ум», «дух», «интеллект» и пр. и даже термину «мозг», нетрудно заметить, что и эти аналитические дескрипции достаточно разнообразны и не всегда легко сопоставимы. Интересно отметить, что основания такого неразличения и смешения имеют давние традиции: так, нередко указывают на то, что «Критика чистого разума» И. Канта есть на деле трактат о сознании и что сами эти понятия употребляются у него «в крайне многозначном и маловыясненном смысле» [Жоль 1990: 33]. И хотя, безусловно, когнитивная наука уже сделала немало для объяснения и описания понятия, сделала она немало и для того, чтобы внести в дефиницию Р. еще больше сложностей. Ведь считавшееся до сих пор достаточным указание на принципиальное отличие *homo sapiens* от всех иных представителей живого мира (благодаря наличию интеллекта) и противопоставление человека машине как существа мыслящего, наделенного разумом, было поставлено под сомнение новым рассмотрением человека как информационно-перерабатывающего устройства и мозга, оперирующего символами подобно тому, как это делает машина-компьютер.

Как отмечает Б. Экардт, когнитивная наука вырабатывает сейчас нечто вроде единого подхода к исследованию разума, и хотя в ней предполагают не столько то, что разум или сознание – это некий механизм, перерабатывающий информацию, а то, что подобное предположение может пролить свет на работу мозга и его надо всячески проверить [Eckardt 1993: 4], фактически многие исследования детерминируются именно сравнением работы мозга и компьютера. Отсюда так называемая знаменитая «компьютерная метафора», решительно отвергаемая одними и признаваемая другими, но всегда рассматриваемая при рассмотрении проблем разума и мозга.

В когнитивной науке ее методологи и последователи за рубежом признают, что главным ее отличительным признаком был отход от

бихевиоризма к ментализму, который и потребовал обращения к ментальной деятельности человека и ко всем ментальным или когнитивным способностям, которые эту деятельность обеспечивают. Как писал позднее Р. Джекендофф, разум представляет собой объединение разных когнитивных способностей человека, связанных между собой системой коррелирующих эти способности правил, каждое из которых имеет дело с особыми ментальными репрезентациями [Jackendoff 1992: 366–367].

По мнению Н. Хомского, когнитивная революция с середины 50-х годов возвращала на новом витке развития науки к тем проблемам, которые вставали перед философами на рубеже XVII и XVIII вв. и которые касались природы человеческого разума и знания. Естественно, что в наше время они оказались связанными с новыми технологиями, с новыми исследованиями в разных науках, но в принципе в фокусе внимания оказалась репрезентационно-компьютерная теория разума [Chomsky 1991–1: 4 и сл.]. Как сформулировал Хомский в своих лекциях, от изучения поведения человека и результатов этого поведения перейти к анализу состояний мозга / разума, связанных с поведением [Chomsky 1988.; Schwarz 1992: 13].

Многие исследователи подчеркивают, что радикальные изменения в исследовании интеллекта были вызваны новаторскими идеями Н. Хомского о том, как следует изучать язык и языковые способности человека, – эту огромнейшую часть его когнитивной системы в целом. Теоретические проблемы лингвистики в их формулировке Н. Хомским определили не только облик всего генеративного направления, но оказали мощное воздействие и на постановку аналогичных проблем в психологии и нейрофизиологии. Этими проблемами оказались вопросы о том, какова природа знания и как оно используется (ср.: [Carston 1989; Fromkin 1991: 78 и 84]), как возникают некие системы знаний в голове / разуме (in the mind / brain) и как их «пускают в оборот» (см. также: [The Chomskyan Turn... 1991]).

Феномен интеллекта изучается тогда, когда изучают способность говорить и понимать услышанное, способность видеть и воспринимать действительность, слушать музыку, учиться или обучаться, решать проблемы, рассуждать и приходить к определенным умозаключениям, планировать действия, вести себя намеренно, по своей воле, интенционально, вспоминать и фантазировать. Нередко такие когнитивные способности изучаются по отдельности, что вполне естественно из-за исключительной сложности каждой из них, но каждое такое исследование вносит свой вклад и в понимание интеллекта, и в постижение его специфики (ср.: [Eckardt 1993: 57 и сл.]). Очевидно, что все указанные способности интенсивно изучались и вне когнитивно, но именно последний внес в их анализ новый ракурс рассмотрения: способствовать пониманию того, как происходят обработка и переработка информации во всех мыслительных процессах, осуществление которых приписывается психике или мозгу, или интеллекту человека. Подобные процессы характеризуются как компью-

тационные, т.е. сводящиеся к «вычислению» (компьютации), обработке информации и, наконец, как манипулирующие символами или ментальными репрезентациями. Разум в целом определяется поэтому как материальная символическая система, и это допущение принимается как основное допущение когнитивной науки, вместе с допущением о том, что «возможно и нужно изучать свойства материальной символической системы на таком уровне анализа, который позволяет абстрагироваться от физических деталей реализации индивидуальных символов и структур, а также физических механизмов, производящих операции над ними» [Виноград 1983: 127]. Иначе говоря, здесь считается допустимым говорить, с одной стороны, о функциях интеллекта и необходимости их изучения как отличных от архитектоники мозга, и физиологических или биологических основах его – с другой, т.е. противопоставлять разные уровни исследования психики (ср.: [Pylyshyn 1984: XVII и сл.]). Такое противопоставление считается равносильным противопоставлению для компьютера того, что он может делать, тому, как он (с помощью какого материального оборудования) это делает. Говорят также, что разум стоит между восприятием и мышлением или между трансформацией энергии в нервный импульс (чисто физическим процессом) и далее превращением его в некую символическую репрезентацию (см.: [Johnson-Laird 1993: XI–XIII]).

Феномен разума изучается в когнитивной науке в системе разных оппозиций: разума и созерцания, разума и сознания, души и тела, разума и мозга и т.п. Все они подчеркивают какой-либо важный аспект деятельности разума (ментальной деятельности) и / или особые области существования и функционирования интеллекта, но единой теории разума все же до сих пор не создано.

Дж. Серль указывает, что существуют, по меньшей мере, шесть разных теорий, объединяющих Р., но все они несостоятельны [Searle 1992: 5 и сл.]. Несостоятелен, по его мнению, и когнитивный подход, ибо здесь предполагают, что мозг – это машина (см.: [Johnson-Laird 1993: 165–166]). Но мозг связан с сознанием, сознание человека – с эмоциями, желаниями и интенциями, а следовательно, Р. нельзя изучать, не обращаясь к этим феноменам человеческой психики. Более того: поскольку, как подчеркивает Серль, ментальные явления вызываются нейрофизиологическими процессами в голове человека, они и сами являются материальными процессами и свойствами мозга, и отказ от анализа биологических основ разума тем самым недопустим [Searle 1992: 13–14, 225 и сл.].

Но в разных версиях когнитивизма отношение к биологическим основаниям ментальной деятельности тоже различно, и в какой-то мере можно утверждать, что два главных течения в рассмотрении разума, или, как говорят когнитологи, в рассмотрении «архитектуры копнищи» четко отражают это различие. В одних моделях обработки информации человеческим интеллектом принимается положение о том, что разум – это система, манипулирующая символами и создающая символы (см. работы

А. Ньюэлла и З. Пылишина). Символ – это абстрактная характеристика для того, как репрезентирована информация уму человека. Существует значительное разнообразие символьных или репрезентационных структур, по отношению к которым мозг совершает те или иные операции. Составляющими разума являются, таким образом, не только репрезентации (символы), но и процедуры их использования. Всю эту архитектуру можно, однако, изучать, не обращаясь к уровню ее физической реализации; подробное изложение соответствующих взглядов см.: [McShane 1991: 320 и сл.].

В другой версии когнитивизма, напротив, внимание сосредоточено на построении таких моделей разума, которые принимают за основу нейронную организацию мозга. Это – коннекционизм и модель параллельной обработки информации разными модулями мозга. Интересно, что, судя по последним данным, рассмотренные модели разума не обязательно несоместимы (см.: [Smolensky 1988]).

Исследования разума в настоящее время весьма разнообразны и охватывают разные аспекты его бытия и функционирования (ср.: [Bateson 1972; 1979; Casual theories of mind... 1983; Devitt 1990; Mind and cognition... 1990]).

Е.К.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (mental representation; mentale Representationen) – ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления (репрезентации) мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах. Последнее определение указывает на знаковый или символический характер Р. и связывает исследование Р. с семиотикой [Jorna 1990: 17 и сл.], т.е. заставляет предположить существенность для данной единицы не только ее содержания, но и способа ее представления в психике человека.

Первый период в истории когнитивной науки был особенно тесно связан с полемикой о том, в какой форме «существуют» Р. в памяти человека и о каких типах Р. может идти речь при их описании. Деятельность с использованием ментальных или внутренних структур долго описывалась в психологии как имеющая дело с отраженными языковыми (вербальными) структурами. Признание Р. другого типа – образных – было связано с именем А. Пейвио, в многочисленных работах которого была выдвинута теория двойного кодирования мира (см.: [Paivio 1971; 1986]). Согласно Пейвио, все Р. могут быть расклассифицированы на картиноподобные (когда для представления чего-то используются картинки, образы, рисунки, схемы и т.п. – ср., например, Р. в голове знакомых нам лиц и предметов и даже целых сцен) и языкоподобные (это все Р. языковых единиц – слов, их частей, предложений, клишированных конструкций и т.п., но главное – пропозиций). В настоящее время горят

поэтому либо об аналоговых Р. (тех, которые сохраняют свое подобие оригиналу) и Р. пропозициональных (имеющих аргументно-предикативную структуру) или пропозициональноподобных (aussageartige), причем есть и мнение о том, что именно пропозициональная форма хранения знаний является главной [Pylyshyn 1984], но это мнение разделяется далеко не всеми когнитологами (см., например, об особой роли этих единиц: [Eckardt 1993: 161 и сл.; ср. также: [Felix, KanngieBer, Rickheit 1990: 17] и др.). Пропозициональным структурам (репрезентациям) нередко приписывается при этом роль связующего звена между вербальными и невербальными репрезентациями – они считаются устанавливающими связи между разными когнитивными системами или модальностями (зрением, слухом и т.п.) и языковым их выражением. Таким образом, наряду с классификацией Р. по способу их представления (образному или вербальному) вводится также представление о «модальных» и «амодальных» Р. К первым относятся все представления о наших ощущениях (зрительных, слуховых, тактильных и пр.), а ко вторым – все символические, вербальные Р. По мнению Р. Джекендоффа, все эти Р. могут быть выведены и выводятся на один уровень – уровень ментальных репрезентаций, уровень концептуальной структуры [Jackendoff 1993 i: 17; 1984: 54], где информация, полученная по разным каналам, – сенсорная, моторная и т.п., оказывается сопоставимой с информацией вербальной. Модально-специфические Р. сохраняют перцептуальные характеристики отображаемого в мозгу предмета, процесса, явления [Schwarz 1992: 90 и сл.]. Интересно, что, согласно экспериментальным данным, полученным впервые С.М. Косслиным, ментальные операции с образными Р. аналогичны тем, которые совершаются с вербальными Р. [Kosslyn 1980]. По всей видимости, переход от одних к другим тоже не представляет никаких трудностей [Badecker 1991; Canseco-Gonzalez et al. 1990].

Иногда различают также просто аналоговые Р., в большей или меньшей степени редуцированно изображающие фрагменты мира, и символические, условные, поскольку считается, что Р. – это особые когнитивные модели объектов и событий, воспроизводящие лишь часть сведений о них, иногда сведенную до конвенционального минимума [Rickheit, Strohner 1993: 15–17]. Понятие Р. указывает на то, что существует нечто репрезентируемое и нечто репрезентированное. Согласно такому взгляду, язык – особая репрезентационная система, ибо он тоже кодирует в знаковой форме нечто, стоящее за его собственными пределами. Слова и прочие языковые единицы – эти языковые репрезентации – активизируют поэтому те сущности, знаковыми заместителями которых они являются, – они возбуждают в памяти человека связанные с ними концепты [Anisfeld 1984: 7 и сл.].

Совокупность Р. образует то, что называется памятью, а поэтому и в ней различают словесную и образную, или эпизодическую (событийную), память; совокупность вербальных Р. называют ментальным лекси-

коном, и, наконец, совокупность всех концептуальных Р. (т.е. смыслов и аналоговых, и символических репрезентаций) именуется концептуальной системой, или же концептуальной моделью (картиной) мира. Всеми признается, что так или иначе все указанные объединения тесно связаны с системами хранения знаний и языком, а следовательно, входят в число явлений, подлежащих исследованию в семантике. Вместе с тем связи между концептуальными и языковыми единицами понимаются по-разному, а разные версии когнитивизма во многом определяются пониманием в них самих ментальных репрезентаций (ср.: [Жоль 1990: 173–176]; ср. также различие концептуального и семантического уровней в работах М. Бирвиша).

Особое значение в анализе Р. придается их генезису и происхождению у отдельного человека в онтогенезе. Когнитологи до сих пор спорят о том, с чего начинается формирование Р. и каково то исходное состояние психики, которое характеризует родившегося и вступающего в мир человека – *tabula rasa* или же некие врожденные предпосылки для образования Р., или, наконец, уже сложившаяся врожденная система таких Р. Ярким представителем своеобразной компромиссной точки зрения по этому вопросу был Ж. Пиаже, выдвинувший идею о постепенном складывании разных типов Р. по стадиям, – сперва сенсомоторной, затем образной и позднее всего – языковой (подробное изложение см.: [McShane 1991: 95 и сл.]; см. также: [Fodor 1975; 1983]).

Несмотря на множество исследований по когнитивному развитию ребенка, вопрос о том, как возникают «первые» Р. и как из более простых Р. рождаются более сложные (ведь не могут быть у младенца и школьника одинаковые представления даже достаточно простых объектов и событий), до сих пор не вполне ясен, и адекватная теория Р. пока отсутствует [McShane 1991].

В одной из последних концепций по поводу Р. выдвинута идея о том, что Р., исследование которых послужило поводом для сближения разных наук (психологии, философии, моделирования искусственного интеллекта, нейронаук и формальной семантики) в рамках единой когнитивной парадигмы знания, до сих пор не получили адекватного освещения из-за того, что рассмотрению подвергались изолированные аспекты этого феномена. Добиться единой теории Р. можно, по мнению Дж. Динсмора, связывая ментальные репрезентации с процессами понимания языка и черпая о них сведения из фактов обработки языковых данных на трех уровнях. Главная мысль Динсмора заключается в том, что как только человек начинает воспринимать языковое сообщение, он должен построить модель того содержательного (ментального) пространства, в пределах которого он будет оперировать далее с текстом (так, чтобы не возбуждать всей ментальной системы Р.). Дистанция между языковыми единицами и их коррелятами в ментальном пространстве не должна быть очень велика, поэтому они должны обеспечить легкий

доступ к ментальным Р. В то же время языковые единицы «беднее» их ментальных партнеров, и более богатые ментальные Р. служат интерпретаторами описываемой реальности. Ни символические модели мозга, ни коннекционистские модели по отдельности не смогли объяснить, как действует человек с такими Р., которым нет соответствий в объективной действительности, – с планами, убеждениями, интенциями, – но о существовании которых мы должны говорить, поскольку в языке может идти речь и о них. Они просто существуют в других ментальных пространствах, и при восприятии речи их область активизируется человеком так же, как и область реального мира. Это все означает, что в теории Р. должны быть пересмотрены взгляды на то, что именно репрезентируют Р., а также и те модели, которые описывают организацию Р. Часть такой организации была описана в терминах ассоциативных сетей, часть – в терминах коннекционизма, наконец, часть – в терминах фреймов, скриптов и сценариев. Но все эти описания охарактеризовали лишь отдельные аспекты когниции с помощью ментальных Р. Наступило время объединить и синтезировать эти попытки, представив более глобальную картину функционирования Р. в еще большем разнообразии их форм и типов [Dinsmore 1991].

Е.К.